

S T U D I A P H I L O L O G I C A

T. M. Николаева

НЕПАРАДИГМА-
ТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА
*(История «блуждающих
частиц»)*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

ББК 81.2Рус-67-1
Н 63

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ),
проект № 07-04-16075

Николаева Т. М.

Н 63 Непарадигматическая лингвистика: (История «блуждающих частиц»). — М.: Языки славянских культур, 2008. — 376 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0231-1

Данная монография посвящена ранее не описанному в языкоznании полностью пласту языка — партикулам. В первом параграфе книги («Некоторые вводные соображения») подчеркивается принципиальное отличие партикул от того, что принято называть частичками. Автор выявляет причины отталкивания традиционной лингвистики от этого языкового пласта. Демонстрируется роль партикул при формировании индоевропейских парадигм. Показано также, что на более ранних этапах существования у славянских языков совпадений значительно больше. Поэтому, например, древнерусский ближе к старославянскому (не только по составу, но и по «частицебильности»), чем современный русский. Наконец, существенен и тот факт, что в одном языке партикулы сохраняются только во фразеологизмах, а в других — употребляются свободно. Широко используются работы классиков языкоznания: Ф. Боппа, Б. Дельбрюка, К. Бругманна, Ф. Шпехта и др., а также работы самых последних лет.

ББК 81.2Рус-67-1

*В оформлении переплета использована картина
с сайта Fractal World Gallery
и фотоанаграмма светланы ивановой*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

Глава первая

Теоретические предпосылки	16
§ 1. Существует ли никем не описанный пласт языка?	16
§ 2. Типы научной парадигмы и партикулы	31
§ 3. Возможности метаотображения и реальность эмпирии.....	41
§ 4. Лингвистика парадигматическая и непарадигматическая	46
§ 5. «Скрытая память» языка и возможности ее выявления.	
Партикулы и знаменательные слова	50
§ 6. Партикулы и происхождение языка	60
§ 7. Партикулы: индоевропейский пласт	82
§ 8. Между индоевропейским и неиндоевропейским	93
§ 9. Неиндоевропейский пласт партикул	102

Глава вторая

Партикулы и языковая таксономия	107
§ 1. Проблема идентификации	107
§ 2. Партикулы и союзы	116
§ 3. Детерминативы.....	124
§ 4. Клитики. Что это такое?	127
4.1. Как клитики определяют?.....	127
4.2. Клитики и их таксономические соседи	134

4.2.А. Клитики vs. самостоятельные слова	135
4.2.Б. Клитики vs. несамостоятельные слова (аффиксы)	138
4.3. Клитика и ее «хозяин».....	141
4.4. Клитики и их позиция в высказывании	151
Некоторые общие выводы	
к разделу «Клитики». 1	183
Некоторые общие выводы	
к разделу «Клитики». 2	186
§ 5. Партикулы и «местоимения»	187
§ 6. Партикулы и «глаголы».....	213
§ 7. Партикулы и «имя»	228
§ 8. * <i>s</i> / * <i>t</i> — грамматический центр.....	234
<i>Глава третья</i>	
Партикулы славянского пространства	253
§ 1. Некоторые вводные соображения	253
§ 2. Примарные партикулы славянского пространства.....	260
§ 3. Трудности метатеоретического представления партикул.....	296
§ 4. Славянские партикулы и славянские местоимения	305
Выводы.....	315
<i>Приложение № 1</i>	
Список примарных общеславянских партикул	323
<i>Приложение № 2</i>	
Список славянских партикул	324
<i>Приложение № 3</i>	
Словник партикульного фонда славянских языков	326
<i>Приложение № 4</i>	
Славянские местоимения партикульного фонда	351
<i>Приложение № 5</i>	
Список комбинаций и перестановок из десяти русских партикул (и, а, у, но, не, же, ли, то, къ, да)	356
Литература	360

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — попытка рассказать о никем ранее не описанном пласте языка, который — в то же время — столетиями отмечали и видели, но старались не замечать или квалифицировать его единицы по-разному.

Почему?

Гораздо более глубоким, чем кажется, причинам этого, коренившимся не столько в языке, сколько, пожалуй, в языкоznании, посвящена первая глава этой книги. «Невидный» (или все-таки явный?) смысл этой главы — обратить внимание лингвистов на асимметрические и во всяком случае не изоморфные отношения языка и языкоznания как науки о языке, на не достигнутую пока возможность лингвистики отображать адекватно все проявления языка, кстати, вполне доступные для носителей языка в их перцепции и речепорождении. У первой главы есть и другая задача — обратить внимание лингвистов на их странную нелюбовь к этим элементам, то есть ввести в языкоznание некий аспект само-рефлексии.

Единицами этого языкового пласта являются те мелкие элементы, из которых состоит весь наш «коммуникативный фонд». Их любят называть частицами. В диахронических исследованиях любят говорить о «действительных» частицах, как бы прячась за квалифицирующее прилагательное. Их также любят приписывать к какому-либо уже известному классу, делая из них почему-то «застывшие» его осколки.

Но все-таки, скажем, *ли + бо*, состоящее из двух таких элементов, не частица, а союз. Из двух таких же элементов состоит и

къ + то, а это уже не союз, а местоимение. Из двух «частиц» может также складываться новая частица, например, *да + же*.

Что такое дейксис в глубокой диахронии, мы по сути не знаем. Поэтому в настоящей книге о дейксисе будет говориться с осторожностью.

В англоязычной литературе частицы называются particles, и по-другому их назвать нельзя. Русский язык, которому мы за это благодарны, позволяет иметь два термина: и частицы, и партикулы. Но эти партикулы — не таксономическая категория привычной языковой системы. Такой класс лингвистами не описан.

Поэтому был выбран именно этот термин: **партикулы**.

Какими же они бывают, если обратиться к самой приблиźительной их квалификации?

Они бывают **примарными**, то есть функционирующими изолированно, и **присоединяющимися** (присоединившимися). Например, партикула *а* функционирует как самостоятельный союз русского языка, или как частица, или как междометие. Партикула *ли* функционирует как вопросительная частица в том же языке. Однако они могут присоединяться к чему-либо, например, партикула *то* может присоединяться к другим элементам, создавая местоимения: как определенные — *не + къ + то*, *о + нъ + то*, так и вопросительные — *къ + то*, *чъ + то*, или неопределенные — *чъ + то + то*, *къ + то + то* и под.

В третьей главе нашей книги я постараюсь показать, как разнообразны способы склеивания и присоединения партикул друг к другу в славянском пространстве и какие классы слов (части речи) при этом возникают. Можно, таким образом, говорить о способах возникновения партикульных **клластеров**. Кластеры партикул обычно не очень интересны для языковедов, так как они прозрачны, их модели тяготеют к агглютинации. Однако в дальнейшем я постараюсь продемонстрировать тягчайшие таксономические трудности, возникающие при идентификации первичных партикул, от чего, в свою очередь, зависит и трактовка их кластеров. Заранее, однако, можно сказать, что чем «многоэлементнее» кластер, тем легче верифицировать его составляющие, но и тем труднее менять возможные варианты в его составе. Так, при начальном этапе верификации можно считать *та* и *да* вариантами

одной партикулы. Но, например, в сочетании *от + ты + да* уже очевидно, что *да* не заменяется на *та*.

В истории языков (в книге в основном речь идет о славянском материале) соединения партикул как возникают, так и распадаются, выходят из употребления, переходят из литературного языка в нелитературные субдиалекты, сохраняются только в диалектах и так далее. Например, *а + но*, чешское ‘да’, сохранилось, а русский союз *и + но*, как будто бы сходный по структуре, из употребления вышел. Соединения партикул напоминают детскую игру — «конструктор», или, точнее, «калейдоскоп», когда при повороте игрушки мы видим все новые сочетания и новые фигуры. Исходное число партикул, как будет видно далее, совсем не так велико, скучность партикульного репертуара очевидно и пугает лингвистов, но — как мы знаем из школьной математики — число их комбинаций, включая перестановки, огромно. Поэтому, конечно, язык использует только крошечную часть таких кластерных структур.

Интересно, хотя и с трудом доступно для понимания то, что примерно к XVI веку славянский «конструктор» понемногу перестает работать, и происходит следующее: а) сходные функции начинают выполнять слова не из партикульного фонда; б) новые комбинации партикул не возникают.

Однако любовь партикул к «при克莱иванию» создает не только кластеры различной таксономической ориентации, она создает и гораздо более интересную для языковеда вещь — **парадигмы**.

Возникновение парадигм и их эволюция суть факты, связанные с общими загадками антропоцентрической ориентации языка, точнее, его существования.

За формированием парадигм стоит формирование мысли, ее движение, поскольку выбор флексии (а флексии и есть те же партикулы; как правило, **те же** в буквальном смысле) закрепляет правильное «определение» словоформы в пространстве языка и пространстве действительности. Кроме того, в компаративистике уже давно известен тот факт, что парадигмы разных таксономических классов часто формируются одними и теми же партикулами-флексиями, но воплощающими при этом разные категориальные установки. Это также говорит о том, что число партикул

(флексий) изначально ограничено. А новые почему-то не возникают. И это при гигантском расширяющемся словаре знаменательных лексем.

Почему же все-таки, если мы говорим о парадигмах, эта книга называется «Непарадигматическая лингвистика»? Потому, что при формировании парадигм, то есть создании основы, а за ней и присоединении флексий, имеет место неслучайность выбора этих партикул-флексий. То есть осуществляется то, что я называю в своей книге «минисинтаксисом». Мысль эта не совсем новая. Отдельные намеки на сходную идею высказывались, например, по поводу окончания *-*s* в латинском *domi-s*, где флексия номинатива могла быть показателем определенности; та же мысль высказывалась и по поводу флексии 3-го лица единственного числа русского глагола: *дѣлае-ть*, то есть — это **он** делает, кто-то определенный. Значительное место в книге занимает и синтаксическая проблема появления / непоявления в речи русского *я* (при возможном его отсутствии), которое в течение столетий, как оказывается, «свернулось» из индоевропейской интродуктивной структуры со значением ‘вот + он + я’. Разумеется, полностью реконструировать подобный «минисинтаксис» пока невозможно, но мне хотелось обратить внимание на его существование, доселе никем не описанное.

Лингвистика XX века, вплоть до последних его десятилетий, старалась отмахнуться и от существования партикул как отдельного класса, и от семантики «минисинтаксиса» при формировании парадигм. Почему? Этим причинам, как уже было сказано, посвящена в основном первая глава этой книги, где говорится и о тех причинах, которые обусловили именно такую эволюцию языковознания, и о некотором страхе перед двумя явлениями, которые, будучи признанными, могли бы многое изменить. Это неприятие диффузности первичных единиц языка, за которой неизбежно встает интерес к языковым первоэлементам, и, наконец, сложное отношение к вопросам о происхождении языка в целом.

Нелюбовь к этим проблемам в нашей отечественной науке вполне объяснима: они связываются почему-то обязательно с марризмом, навсегда ставшим (во многом справедливо) одиозным учением.